

НОВАЯ КНИГА О ДРЕВНЕРУССКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

(Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М.: Индрик, 2011. — 384 с., ил.)¹

Книга московских историков Д. И. Антонова и М. Р. Майзульса посвящена древнерусской иконографии «врага» — демоническим и inferнальным образам на иконах и книжной миниатюре. Затронутая впервые Ф. И. Буслаевым (см., например: [Буслаев]), данная тема никогда не становилась предметом комплексного монографического изучения. В рецензируемой книге впервые предпринята попытка раскрыть эту тему максимально полно и многоаспектно: здесь анализируются «грамматика демонического», то есть система заданных традицией правил в изображении нечистой силы, символика отдельных деталей дьявольской внешности («хохлы», бороды, языки, пятна, рога, etc.), затирание лиц демонов и грешников читателями рукописей, эволюция визуальной демонологии в целом и конкретных образов, связь изображения с литературным текстом и богословскими идеями, церковной демонологии — с «народной» и многое другое. Исследование осуществлено на материале нескольких сотен рукописей, преимущественно лицевых, хранящихся в российских и европейских библиотеках и музеях. Особенно часто авторы обращаются к литературным Синодикам, лицевым спискам Жития Василия Нового, Апокалипсиса, старообрядческим «цветникам» (сборникам) с многочисленными миниатюрами. Привлекается также широкий круг икон на сюжеты Страшного Суда, Сошествия во ад и др. Большим достоинством монографии являются обращение авторов к византийской и западноевропейской традициям в изображении демонического, а также прекрасное знакомство с работами западных искусствоведов и историков культуры. Этот контекст позволяет установить истоки и осмыслить своеобразие многих мотивов древнерусской визуальной демонологии.

Монография состоит из четырех глав: 1) «Образ врага» в сакральном искусстве; 2) Бесы, грешники и монстры: семиотика демонического; 3) Danse macabre позднего Средневековья; 4) «Картины ада»: лицевые сборники XVII—XVIII в. В качестве отдельного экскурса представлено исследование образа Смерти на карпатских иконах Страшного суда. Композиция книги подчинена логике исследования: авторы переходят от рассмотрения общих вопросов к частным, стараясь придерживаться в анализе материала хронологического принципа. Многоаспектность исследования не мешает авторам выделить смысловые доминанты, сосредоточиться на ключевых образах древнерусской демонологии и эсхатологии (демон-эйдолон, дьявол, Антихрист, Смерть, Ад, Иуда и др.).

Особый интерес в монографии представляют наблюдения авторов о соотношении книжного и изобразительного текстов. Икона и миниатюра не являются простой механической иллюстрацией книжного текста — они всегда содержат элементы его интерпретации. В монографии на многочисленных примерах показаны разные типы взаимоотношений текста и изображения. Иногда миниатюра содержит «сверхтекстовую информацию», отсутствующую в литературном памятнике. Так, на миниатюре Сказания о Мамаевом побоище в списке XVI в. изображается фигура антропоморфного беса с бородой — бесовского «князя», однако в самом тексте Сказания этот образ не упоминается (с. 69). Грамматическому женскому роду слова «смерть» в литературных текстах соответствует мужское обличье Смерти на книжной миниатюре, что объясняется влиянием немецкой традиции, где слово «смерть» (Tod) мужского рода. Отмечены интересные случаи влияния визуальной традиции на текст. В одном из поздних

¹ Рецензия подготовлена при финансовой поддержке Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 г.

списков Жития Василия Нового в описании Смерти появляется новая деталь — «от самых точию костей человеческих нагих составлена», — восходящая к барочной иконографии (с. 223). В описании бесов в агиографической литературе упоминаются «острые верхи» их голов — эта деталь также имеет своим источником икону и книжную миниатюру (с. 123). Абстрактные понятия древних текстов (ад, смерть и др.) «переводятся» в иконографии в конкретные зримые образы, происходит их «материализация» и персонификация.

В XVI—XVII в., по наблюдениям авторов, формируется новая, более усложненная, иконография «врага», значительно увеличивается число демонологических сюжетов. Этот демонологический всплеск в эпоху позднего Средневековья, отмечавшийся и ранее многими исследователями, отчасти объясняется влиянием западной культуры, напряженными эсхатологическими ожиданиями и социальными катаклизмами. При этом авторы не склонны интерпретировать трансформацию визуальной демонологии как прямой результат коллективных кризисов, справедливо отмечая, что иконография сама формирует общественные настроения и продуцирует политико-богословские идеи. Следует добавить, что в это же время, в XVI в., согласно выводам Д. С. Лихачева, начинается разрушение и системы литературного этикета [Лихачев, с. 101], что привело в XVII в. к появлению совершенно новых жанрово-стилистических форм. Именно XVII в. дал две «самые демонические», по выражению А. М. Ремизова, повести — о Соломонии бесноватой и о Савве Грудцыне. Изменения в литературе и иконографии происходили во многом синхронно, хотя книжная демонология, как отмечают авторы, и в этот период не была столь красочной и изощренной в изображении бесов, как визуальная.

Изучение визуальной демонологии невозможно без обращения к «малой» эсхатологии: бесы окружают человека на смертном одре, мучают грешников в аду, встречают душу на лестнице мытарств и т. д. Большое внимание уделено эсхатологической образности и в рецензируемой монографии. Материалом для ее изучения служат главным образом миниатюры к различным визионерским текстам, апокрифам, повестям из «Великого Зерцала» и Пролога, входящим в состав лицевых «цветников» XVII—XVIII в. Судя по перечню использованных в работе русских лицевых рукописей (с. 335—339), большинство из которых относится к этому периоду (с заходом в XIX и даже XX в.), именно переход от Средневековья к Новому времени дает пик в развитии демонологической иконографии. Изображение в этих сборниках порой вытесняет сам текст, миниатюры размещаются нередко на разворачивающихся листах, все чаще появляются «портреты» представителей inferнального мира, адские мучения передаются с массой натуралистических деталей, а фигуры демонических персонажей приобретают огромные размеры. Вместе с тем, как отмечают авторы, наряду с явной драматизацией демонических образов и устрашением, в книжной миниатюре наблюдается и нарастание гротескных черт, которые могли в некоторых случаях вызывать комический эффект (в качестве примера приводится миниатюра XVIII в., на которой изображены бесы, воткнутые вниз головой в округлые горки). Фиксация этих разнонаправленных процессов позволяет авторам поставить интересный вопрос о соотношении страшного и смешного в визуальной демонологии и о постепенной «секуляризации» демонического в XVII—XVIII в., которая сближала книжную демонологию с фольклорной традицией с ее амбивалентным образом беса.

Эти наблюдения Д. И. Антонова и М. Р. Майзульса чрезвычайно важны и для изучения поздней повествовательной литературы на демонологические и эсхатологические сюжеты. Исследователь рукописной «душеполезной» повести XVII—XIX в. часто ловит себя на мысли, что затрудняется определить, какое начало — вероучительное, дидактическое (с установкой на достоверность) или же развлекательное и «художественное» (с установкой на вымысел) — преобладает в том или ином тексте². Приведу всего два примера из собственной

² О некоторых аспектах этой проблемы см.: [Ромодановская].

исследовательской практики. В старообрядческой рукописной книжности часто встречается повесть со ссылкой на Старчество, построенная в форме диалога некоего старца Захарии и его ученика Евфимия в «малой обители на горах, от града Картог 3 поприща, близ Подолия, нарицаемого Мекоезьм»³. Предмет их беседы — «о Антихристе, и о прелести его, и о признаках воинства его», казалось бы, ни при каких обстоятельствах не может допускать вольного к себе отношения под пером старообрядческого книжника. Тем не менее явно вымышленные имена и место действия, ориентация на патеричный тип повествования, некоторая «нескромность» в описании «антихристовой прелести» (отмечается, например, такая деталь дамского туалета, как «перетяжки на ногах»), ссылка на несуществующий источник (книга «Старчество», изданная якобы в «Краковской друкарне» в 1027 г. (так!)) заставляют видеть здесь отчетливые признаки развития вымысла и «беллетризации». Серьезность темы (осуждение табакокурения) и некоторый комизм в изображении беса нисколько не противоречат друг другу и в рукописной повести рубежа XVIII—XIX в. о «мнихе и о бесе». Иронический характер придают ей и образ обманутого беса, и стихотворная форма изложения, и шуточное указание на перевод с «языка арменска» [Пигин]. Некоторые примеры такой демонологической «беллетристики» приводят и сами авторы (с. 303).

Д. И. Антонов и М. Р. Майзульс не обходят вниманием и такой трудный для интерпретации предмет, каким являются загадочные изображения зооморфных и антропоморфных существ в тератологическом орнаменте и владими́ро-суздальской архитектуре XII—XIV в. С традиционным изображением бесов и грешников, по их наблюдениям, ассоциируются лишь образы тератологических бородатых человечков в остроконечных шапках (с. 281). В целом же русская тератология и архитектурный бестиарий не совпадают с ортодоксальной христианской демонологией.

Монография богато иллюстрирована: обращение к репродукциям икон и миниатюр позволяет читателю самостоятельно проверять достоверность сделанных авторами выводов. Написанная прекрасным языком, на богатейшем рукописном материале, содержащая множество оригинальных идей и интерпретаций, книга Д. И. Антонова и М. Р. Майзульса является заметным вкладом в изучение русской средневековой культуры.

В заключение нужно отметить, что в 2014 г. Д. И. Антонов и М. Р. Майзульс опубликовали своеобразное продолжение исследования 2011 г. — альбом «Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии» (М.: Форум; Неолит, 2014). Он содержит 28 глав с комментариями и около 300 миниатюр, большинство из которых ранее не публиковалось. Кроме того, с 2012 г. Д. И. Антонов совместно с О. Б. Христофоровой издает ежегодный альманах «In Umbra: Демонология как семиотическая система»⁴, в котором публикуются статьи не только о христианской демонологии, но и о различных духах и персонажах «низшей» мифологии в мировом искусстве, литературе и фольклоре.

Литература

Буслаев Ф. И. Бес // Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1866. Т. 2. С. 1–23.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Пигин А. В. К изучению демонологических сказаний о табаке: рукописная повесть конца XVIII — начала XIX века «о мнихе и о бесе» // In Umbra. Демонология как семиотическая система: Альманах / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов и О. Б. Христофорова. М., 2012. Вып. 1. С. 331–344.

Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.

³ Каргопольский государственный художественный историко-архитектурный музей. КП-10238; ИРЛИ. Латгальское собр. № 335 и др.

⁴ In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. Вып. 1: М.: РГГУ, 2012; Вып. 2: М.: Индрик, 2013; Вып. 3: М.: Индрик, 2014 (в печати).

